

страшного в китайской демографической экспансии не было бы. Пусть китайское лицо, но говорит на русском языке, ощущает себя русским, разделяет судьбу и принимает культуру России. Семья могла бы стать тем горнилом, которое делало бы из китайских подданных патриотов России.

Но желающих среди русских продолжать свой род с желтой расой не очень много. Человек, в конце концов, имеет право свободно выбирать себе партнера для продолжения рода. С другой стороны, если же такое вдруг начнет происходить, то России не избежать тех потрясений, которые происходили в США в 50-х годах прошлого века, когда черные требовали равные права с белыми. В худшем случае, это закончится гражданской войной на этнической почве. России, стране переходного периода, такие потрясения вряд ли нужны.

Нужно также сказать, что, по всей видимости, результатом возможной ассимиляции будет не обрусение китайцев, а «окитаивание» русских. На такой вывод наталкивают размышления Александра Храмчихина. По его словам, в Китае нет пенсионной системы как таковой. Пожилых граждан Поднебесной содержат дети, вернее, сыновья. Сыновья приводят в дом жену, а ни в коем случае не наоборот. Если у тебя всего один ребенок — девочка, — то в старости ты остаешься ни с чем. В связи с этим меняется половая структура страны. Родители идут на различные ухищрения, лишь бы родился мальчик. В итоге к 2025 году в Китае будет сорок миллионов молодых мужчин и воинов одновременно, не обеспеченных девушками. Из этого можно сделать вывод, что,

помимо территории и природных ресурсов, русские женщины также являются «лакомым куском» для молодых китайцев.

Думать же, что китайцы постепенно сами по себе станут русскими, наивно. Китайцы — народ с имперским сознанием, далеким от европейских «общечеловеческих» ценностей. Веками китайцы считали себя цивилизованными, а другие народы «варварами».

Чем в долгосрочной перспективе для нас может кончиться демографическая экспансия китайцев? Один из вариантов — некий «Косовский» сценарий. В свое время в Косово тысячами прибывали албанские беженцы. А когда их удельный вес достиг критической массы, албанцы потребовали автономии. А закончилось все это кровопролитием и вторжением США на территорию Югославии.

1 Гайдар Егор. Долгое время. Россия в мире. Дело, — М: 2005. С. 465.

2 Там же. С. 465-466.

3 Левинсон Алексей. Вся ваша нация такая. \\ www.nz-online.ru\\index.phtml?aid=5010220

4 Стакутис Сергей. Не тесно ли дракону. // Экономика и Жизнь Сибири. www.ecolife.krsk.ru

5 Столкновение миров («Forbes», США) Малолюдный российский Дальний Восток становится для перенаселенного и голодного Китая собственной житницей Бенджамин Фулфорд, 21 февраля 2003 // -www_rusglobus_net-rg_ru-rusglobus_ru_hm Forums.htm

6 Олейникова Е. Дальше в лес, больше дров. // «Регион» №12 (333) 24.03.2004. // www.region.online.ru

ПАРАДОКСЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Е.А. Степанова

Степанова Елена Алексеевна

доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

В современной России религиозный фактор начинает играть все более существенную социально-культурную и политическую роль. В этой связи особую важность приобретает вопрос о корректности принципов, в соответствии с которыми происходит идентификация и самоидентификация людей по религиозному признаку. На сегодняшний день как среди религиозных, так и некоторых политических деятелей наиболее распространенным подходом является так называемый этнический принцип. В соответствии с ним православие объявляется этнической религией русских, белорусов, украинцев, осетин, чувашей, мордвы и некоторых других национальностей, католицизм — религией поляков, литовцев, части немцев, ислам — религией татар, башкир, некоторых кавказских народов, иудаизм — евреев, буддизм — бурят, калмыков и тувинцев и т.д. Естественно, что численность приверженцев этих религий при таком подходе автоматически совпадает с численностью

соответствующих национальностей. При этом среди причисленных к этим религиям оказываются и атеисты, и безразличные к религии люди, и люди, исповедующие веру, никак не соотносящуюся с их национальной принадлежностью.

В наибольшей степени этот принцип соответствует исторической традиции православия, развитие которого за последние несколько веков шло в направлении идентификации с тем или иным национально-государственным образованием, будь то в России, в Болгарии, в Греции, в Румынии, в Сербии и т.д. В других направлениях христианства дело обстоит несколько иначе. Так, например, этнический принцип прямо противоречит богословским и догматическим основаниям католицизма, который изначально придерживался представления о церкви как о надмирном, наднациональном и надгосударственном институте.

Этнический принцип ярко проявил свою парадоксальность в российском лютеранстве – единственной протестантской деноминации, отнесенной к так называемым «традиционным» для страны религиям. Так, и Евангелически-лютеранская церковь Ингрии, традиционно опиравшаяся на финское и эстонское население, и Евангелически-лютеранская церковь в России, тесно связанная с немецкой церковью и ранее включавшая в себя преимущественно этнических немцев, за последние пятнадцать лет в результате серьезного уменьшения численности этих народов в России потеряли значительное число прихожан и оказались вынуждены искать новых среди представителей других национальностей, прежде всего, среди русских.

Для других протестантских конфессий связь с какой-либо этнической группой вообще не характерна, следовательно, с точки зрения этнического принципа религиозной идентификации они не существуют. (Как выразился один православный священник, если бы каждая протестантская конфессия обращала свою проповедь к представителям какой-либо национальности, не имеющей четкой этнической религиозной идентификации, у протестантов в России вообще не было бы никаких проблем). Тем не менее, за последние пятнадцать лет как ранее существовавшие, так и новые протестантские конфессии не только укоренились на российской почве, став реальным фактором общественной жизни, но и продемонстрировали хороший потенциал роста и достаточную привлекательность для многих групп населения – молодежи, интеллигенции, представителей бизнеса и т.д. Это обстоятельство порой вызывает неоднозначную реакцию со стороны населения и властей, а также представителей так называемых «традиционных» вероисповеданий. Проблема идентификации возникает прежде всего у тех протестантских конфессий, которые ранее не существовали в России или существовали недолгое

время (к их числу можно отнести, например, реформатов, пресвитерианцев, методистов и некоторых других). И поскольку этническая идентификация для них неосуществима, поиск адекватного российской действительности способа существования происходит в богословском, идейно-мировоззренческом и нравственном направлении, а также в направлении социального служения.

Возвращаясь к оценке принципа этнической, и шире – культурной религиозной идентификации, следует отметить, что парадокс здесь заключается в том, что она, по сути дела, является мировоззренческой позицией, но вовсе не религиозностью в прямом смысле этого слова. Такая идентификация вовсе не предполагает, что люди разделяют соответствующие религиозные верования, а тем более следуют религиозным практикам. По данным социологических опросов, в современной России число людей, реально исповедующих религиозную веру и исполняющих соответствующие практики, колеблется в диапазоне от 4 до 8%. При этом наибольший разрыв между уровнем этнической религиозной самоидентификации и реальной «воцерковленностью» наблюдается именно в православии (по некоторым оценкам, от 70% до 6%). Наименьшим этот разрыв оказывается у протестантов, которые, как уже упоминалось, не имеют никакой этнической идентификации, поэтому число людей, считающих себя протестантами, совпадает с реальным членством в общинах. Надо сказать, что многие иерархи Русской православной церкви сами способствуют нерелигиозному восприятию религии. Как пишет исследователь современной религиозной ситуации в России С. Филатов, они «очень много говорят о необходимости быть верным национальным традициям, о непреходящей ценности национальной православной культуры, о патриотизме и единстве. За всей этой культурно-политической риторикой слова о вере, о спасении, о страдающем, любящем Боге, распятом и воскресшем, теряются и не доходят до аудитории (тем более, что услышать их она не подготовлена)».¹

Итак, основным парадоксом этнической религиозной самоидентификации является то обстоятельство, что она, по сути дела, в большинстве случаев не имеет к религии никакого отношения, но, скорее, во многом является лишь отражением текущей политико-идеологической конъюнктуры. Это усугубляется тем обстоятельством, что в действительности абсолютное большинство российских граждан сегодня – не атеисты и не верующие. Они представляют собой людей с неопределенным нерелигиозным и неатеистическим мировоззрением. Эта мировоззренческая неопределенность возникла давно. Всеобщей православной религиозности не было уже в прошлом веке, коммунистам тоже не удалось достичь состояния идеологической монолитности, всеобщий атеизм был в значительной мере фикцией.

Одно из проявлений этой неопределенности – широкое распространение всякого рода паранаучных и парарелигиозных мифологем, эклектически соединяющихся друг с другом. Люди верят в переселение душ, в астрологию, в колдовство, в летающие тарелки, экстрасенсорику и т.д. Причем источником этих верований выступают вовсе не какие-либо традиционные или нетрадиционные религиозные конфессии – скорее, такие верования являются результатом воздействия массовой культуры. Они образуют в сознании не структурированные, не объединенные в логическую систему, постоянно меняющие свои составные элементы неустойчивые соединения друг с другом и с такими чертами, как верой в «Бога вообще» и некоторыми элементами различных религий. Таким образом, зона религиозной энтропии в сознании россиян постоянно растет.

Недавние социологические исследования религиозного сознания российских граждан показывают, что во всех без исключения конфессиональных группах оно отличается крайней противоречивостью. Далеко не все люди, даже идентифицирующие себя как верующих, имеют ясное представление о базовых вероучительных положениях своих религий, наоборот, они часто разделяют идеи, несовместимые с декларируемым ими вероучением. Например, исследование, проведенное в 2004 г. Центром «Религия в современном обществе» Института комплексных социальных исследований РАН свидетельствует о том, что «веру в загробную жизнь разделяют около 71,8% католиков, 63, 2% мусульман, 59,4% протестантов, 57,3% православных, 54,5% иудеев и 37% буддистов... В гадание и астрологию верят не только 45,5% буддистов, но и 31,8% католиков, 27,5% православных, 19% мусульман, 11,8% иудеев и 10,5% протестантов. Веру в телепатию и экстрасенсов разделяют 32,7% католиков, по 31,5% православных и буддистов, по 20% иудеев и мусульман, 16,1% протестантов».²

Итак, религиозное сознание современных россиян, сформировавшееся в условиях весьма стремительного религиозного возрождения 1990-х гг., весьма зыбко и не структурировано. В сегодняшнем российском обществе действительно господствуют прорелигиозные настроения, и люди часто идентифицируют себя в соответствии с традиционной верой той или иной этнической группы. Но на личностном уровне изменения совсем не так велики, и у многих людей, которые определяют себя как верующих, вера не наполнена конкретным личностным содержанием. Религиозная активность и мировоззренческая целостность присущи незначительной части верующих, причем представители «традиционных» конфессий в этом смысле значительно уступают новым и «нетрадиционным» для России религиозным движениям.

Тем не менее, как усилия государственной

пропаганды, так и апологетические выступления многих религиозных деятелей сегодня направлены на внушение обществу идеи о том, что национальное возрождение в России невозможно без религиозного фактора, поскольку именно религия (конечно, в лице «традиционных» вероисповеданий) является носителем духовных и нравственных основ культуры населяющих страну народов, прежде всего русского. В действительности такого рода пропаганда не только не безобидна, но и приносит явный вред, коль скоро она исходит из принципа этнической религиозной идентификации.

Во-первых, как уже было сказано, этот принцип опирается на отождествление национального и религиозного фактора, что совершенно не соответствует реальности. Во-вторых, этот принцип фактически приводит не к возрождению духовности и нравственности, а к углублению противопоставления людей по этническому принципу, что, в конечном итоге, несет в себе угрозу распада России как многонационального государства. В-третьих, этот принцип окончательно подчиняет религиозную сферу государственно-бюрократической машине, которая, исходя из своих корыстных целей, заинтересована в максимальном разобщении людей и поддержании мировоззренческой эклектики. По этой логике, религиозные организации должны быть не более чем институтом, встроенным в систему существующего социального устройства и служащим отправлению религиозных потребностей населения, по аналогии с тем, как, например, система просвещения реализует потребности в знании и образовании, а система пенитенциарных заведений – в наказании за преступления против общественного порядка.

Наконец, в-четвертых, этот принцип в корне противоречит тем самым основам православной культуры, на сохранение и развитие которых, по логике его апологетов, он в первую очередь должен быть направлен. В православии человек понимается как образ Божий, как существо, стоящее перед Богом, который обращается к нему с повелением стать его подобием. Это повеление обращено к человеческой свободе и не является принуждением. Человек как личность может принять или отвергнуть волю Божию. Но «свобода выбора» есть несовершенство, ограничение истинной свободы: совершенная природа не нуждается в выборе, ибо она знает добро естественным образом, и ее свобода основана на этом знании. Личность есть избавление от законов необходимости, неподвластность господству природы и общества, возможность свободно себя определять. Эта свобода проявляется не в социально ангажированном и конформистском поведении, продиктованном общественным интересом, правом и политикой, а в полной независимости от общества. Эта свобода парадоксальна, и если она не основана на вере, если она не соотносена с Богом как с высшей свободой, то в конце концов становится разрушительной. Это прекрасно показал

в своем творчестве великий русский писатель Ф. М. Достоевский.

И. Ильин писал об автономии в вере в православном понимании так: «Религиозность начинается с личного, свободного и сердечно-искреннего «вижу» и «приемлю», с самостоятельного удостоверения, из которого возникает подлинная самостоятельность человека вообще. Но уверяющее одного – может не уверить другого; удостоверяющее другого – может не удостоверить третьего. Не удостоверившийся же сам – не верует. Не переживший этого лично-свободного и сердечно-искреннего «приемлю» («вижу», «чувствую», «признаю»...) – не имеет религиозной веры, сколько бы ни была велика его «приверженность», хотя бы даже до буйной одержимости... Как вера, так и неверие – духовно невынудимы».³

Подлинное духовное возрождение России может произойти лишь тогда, когда оно будет нацелено на возрождение каждого человека как личности, а не как представителя той или иной этнической, религиозной или социальной группы. Несомненно,

что в современной России самостоятельно мыслящим и действующим людям, строящим свою жизнь не на своекорыстных эгоистических интересах, а на принципе ответственности человека как образа Божьего за свою жизнь, за жизнь других людей и все Божье творение, живется весьма непросто (впрочем, так было всегда). И в то же время только они являются хранителями и интерпретаторами смысла человеческого существования в соответствии с тем, что о человеке задумал Бог, и именно такие люди составляют фундамент той великой духовной традиции, которой по праву может гордиться Россия.

1 Филатов С. Послесловие. Религия в современной России // Религия и общество. М., 2002, с. 474.

2 Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о ее социальных функциях // СОЦИС, 2005, №6, с. 50.

3 Ильин И. Аксиомы религиозного опыта // М., 2002, с. 66-67.

ФИЛОСОФСКИЙ СИНТЕЗ ХРИСТИАНСТВА, БУДДИЗМА И ИСЛАМА

Киёказу Накатоми

Киёказу Накатоми

доктор философии, профессор;
Высшая школа Яшимата, префектура Шиба
(Япония)

Моя философия рушит идею о невозможности синтеза восточной и западной философий. И эта философия называется мною философией небытия и любви.

Основываясь на этом принципе, я хочу синтезировать три религии – христианство, буддизм и ислам. Это позволит, я надеюсь, открыть новые горизонты в религии и философии.

Рождение из небытия

В Старом завете рождение из небытия описано. Автором является Моисей. Это означает, что Моисей прочувствовал небытие и затем описал рождение из небытия.

Старый завет, который включает в себя появление из небытия, является священным писанием для христианства, иудаизма и основой для ислама. Если почитать Коран, то можно уловить влияние Библии, особенно старого завета. Существует много выдержек из Библии, в том числе идея возникновения из небытия. Говорят, что ислам – это усовершенствованный иудаизм. Основополагающий момент – это ортодоксальное понимание ислама. Так как ислам зависит от иудаизма, ислам следует за идеей рождения из небытия. В действительности существуют некоторые описания в Коране.

В главе 19 Корана Господь говорит: «Просто видеть мне, что создал тебя ранее из небытия». «Не будет ли человек помнить, что создали его ранее, когда он не был?».

В этой части описывается, что человек был создан из небытия. Это означает, что создание человека равно созданию вселенной. Если человек не появился, вселенная не выражена. Выраженность вселенной зависит от появления человеческого разума. Очевидно, что человек и небытие возникли из небытия. Рождение означает появление из